

ФИЛОСОФИЯ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.3.1-69-83

УДК 1 (091)

ПАРАДОКСЫ БИОГРАФИИ И ФИЛОСОФСКОЙ ИДЕОЛОГИИ Г.В.Ф. ГЕГЕЛЯ

Курабцев Василий Леонидович,

доктор философских наук,

профессор кафедры философии

Московского государственного областного университета,

Россия, 119634, г. Москва, ул. Лукинская, 18/1

ORCID: 0000-0003-4757-731X

kurabtsev@mail.ru

Аннотация

В статье исследуется парадоксальность биографии и философской идеологии Г.В.Ф. Гегеля. Суть парадоксальности обосновывается многофакторно: биографически, историко-философски, герменевтически, конкретно-исторически. Цель работы – выявление недостаточно известных сторон личности и философской идеологии мыслителя. Методологически исследование построено с использованием диалектического и историко-логического методов. Результат исследования – выявление объемной противоречивости биографии и мысли Гегеля, прояснение как позитивных, так и негативных сторон его философской идеологии.

Показан ряд парадоксов философии Гегеля. Во-первых, понимание развития как «жесткой» войны против самого себя и невнимание к многофакторности и нелинейности многих процессов. Во-вторых, центрирование на логическую Идею принижает или отрицает ценность всего иного, в том числе живого и человеческого. В-третьих, стремление поднять человека до «наивысочайшего» и при этом закрепощение его всеобщим и государственным. В-четвертых, эссенциализм Гегеля откровенно антиэкзистенциален и беспощаден ко всему частному и субъективному. В-пятых, якобы безупречная научная система Гегеля страдает невниманием к сложности и непредсказуемости реальности. В-шестых, лютеранская религиозность философа на поверку оказывается едва ли не антихристианской – с непризнанием Пресвятой Троицы, без желания стать «слугой» другого и др. В-седьмых, благопристойность и мещанская «добродота» Гегеля радикально противоречат его уничтожительному отношению к женскому полу, другим народам, расам, цивилизациям. Оправдывается колониализм. Вследствие этого закономерно «извлечение» Гегеля немецкими нацистами для своих

нужд. В-осьмых, великая диалектика слишком принизила реальность статичности, однозначности и инвариантности.

Новизна исследования – в распознавании истинных причин и задач жизни и творчества мыслителя, в объяснении его главных ценностей, в том числе и своеобразного христианства, в уточнении позиции Гегеля-немца и Гегеля-гражданина. Выводы исследования связаны с антитетическим сопоставлением идеологии и философии Гегеля и Гессе, Гегеля и Шестова. Подчеркнуты антиэкзистенциальные и расово-националистические мотивы творчества философа.

Ключевые слова: парадоксы биографии, парадоксы философии, панлогизм, развитие, лютеранство Гегеля, национализм и расизм Гегеля, тоталитарные мотивы, антиэкзистенциализм Гегеля, Гессе и Гегель, Шестов и Гегель.

Библиографическое описание для цитирования:

Курбанцев В.А. Парадоксы биографии и философской идеологии Г.В.Ф. Гегеля // Идеи и идеалы. – 2021. – Т. 13, № 3, ч. 1. – С. 69–83. – DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.3.1-69-83.

Hier stehe ich, ich kann nicht anders,
Gott helfe mir, amen*.

M. Luther

Парадоксы биографии

Биография Г.В.Ф. Гегеля, как и его философия, несет на себе печать парадоксальности. Во-первых, мы с высоким почтением относимся к жизни и философской судьбе величайшего гения человечества. Однако в статье В.С. Соловьева «Гегель» можем прочесть нечто иное: «В 1793 г. Гегель, по окончании полного курса кандидатом богословия, получил аттестат, гласивший, что он молодой человек с хорошими способностями, но не отличается ни прилежанием, ни сведениями, весьма неискусен в слове и может быть назван идиотом в филос[офии]» [6, с. 5]. «Он был вообще посредственный писатель и совсем плохой лектор, говорил с трудом и без одушевления, часто искал слова и не всегда доканчивал фразы. В наружности и личной жизни своей он был заурядный немецкий бюргер, умеренный и аккуратный» [6, с. 7, 8]. Так ли?

Во-вторых, это вопрос о влиянии семьи и гимназии на становление философа. Не могла ли серьезно повлиять на судьбу Гегеля его мать Мария Магдалина, урожденная Фромме, которая, согласно Ж. Д’Онту, была «неплохо образованной, она первая начала формировать детский ум Гегеля, очень рано озаботившись его будущим» [10, с. 33]? Гегель в одной из работ назвал мать как таковую «гением ребенка», формирующим «концен-

* Я здесь стою! Я не могу иначе. Да поможет мне Бог! Аминь. *M. Лютер.*

трированную индивидуальность». Не она ли внушила одаренному мальчику следующую мысль, которую сын повторял в разных ситуациях и трудах: «Человек должен уважать самого себя и признать себя достойным наивысочайшего» [7, с. 83]?

Но есть и другая сторона этого вопроса. Согласно Д'Онту, Гегель никогда «не желал признавать решающей роли семейной и школьной подготовки» в его философской судьбе [10, с. 40]. И это не менее вероятно. Однако влияние матери могло быть значительным, а Гегель просто не смог его глубже осознать и оценить.

В-третьих, гимназиста Гегеля Ж. Д'Онт называет «энциклопедическим умом», жаждущим актуализации [10, с. 36]. Действительно, у мальчика был активный интерес ко всем формам познания, жадность к новостям, методическое штудирование разных книг «с большими выписками из прочитанного (Exzerpten) с точными ссылками на источник» [10, с. 36]. Но была и другая сторона личности Гегеля: «Кто хочет достигнуть великого, тот должен, как говорит Гете, уметь ограничивать себя. ... Существует масса интересных вещей на свете: испанская поэзия, химия, политика, музыка; всё это очень интересно...», однако философ выбирает «держаться чего-либо одного и не разбрасывать свои силы в различных направлениях» [7, с. 203]. «Что-то одно» Гегеля, и, возможно, уже в гимназии, – это философия как «объективная наука об истине, наука о ее необходимости, познание посредством понятий, а не мнение и не ткань паутины мнений» [2, с. 78].

В-четвертых, семинарист Гегель был проникнут восхищением по отношению к Наполеону, к философской «революции» Канта, к внесению «в Философию идеи абсолютной свободы» (слова Гегеля цит. по [10, с. 212]). Но при этом в гимназии его видели только как «благоразумного юношу». А товарищи по Тюбингенской семинарии – вообще середнячком. Шеллинг о Гегеле отзывался так: «чистый образец внутренней и внешней прозы» [1, с. XIII], аналогично его характеризовал и Гёльдерлин: «человек со спокойным прозаическим рассудком» [1, с. XIII].

Можно предположить, что Гёльдерлин и Шеллинг по каким-то причинам не слишком любили и уважали своего гениального товарища. И хотели, чтобы он был именно середнячком. Впрочем, заурядность философа тоже была не совсем надуманной: это просто другая сторона личности и жизни Гегеля. «Я достиг... цели моего земного существования, ибо, если у тебя есть работа и хорошая жена, у тебя есть всё, что нужно иметь в этом мире. Эти две вещи – главное из того, что следует стараться заполучить» [10, с. 259, 260]. Это – главы жизни (работа и хорошая жена), а параграфы дальше дописываются.

В-пятых, Гегель гордо величал себя «лютеранином» и признавал религию «святилищем самой истины» [2, с. 118]. А с другой стороны, слова

Христа: «Я есмь путь, и истина, и жизнь» (Ин. 14:6) понимал так: «путь» как развертывание мощи разума и прогрессивного *Veränderung* (нем. «изменение»), «истину» как то, что тождественно не Христу, а Абсолютной Идее, а «жизнь» – как служение этой Идее. О христианских ценностях и спасении ни слова. «Спасает» разум, Мировой Разум и прогресс.

Гегель крайне принизил религиозное разумно-логическим. В лютеранской семинарии (Штифт, нем. *Stift*) к библейским чудесам относились иронично. Отрицали «несвободное» мышление (католическую схоластику). Д’Онт пишет, что в основном «в душе штифтлера перевешивало христианство, но иногда... язычество» (например, Вакх или Сократ) [10, с. 65].

В конце концов даже Бог Гегеля оказался созвучным философу Сократу: Абсолютная Идея у Гегеля перекликается с «Богом-Отцом» [16, с. 7] и «творит мир и человека в целях *самопознания* (курсив наш. – В. К.)», причем с чудовищными затратами человеческих индивидуальностей, поколений и сил [16, с. 16]. Вот это самопознание! Сократ не мог подняться до такого понимания своих Абсолютных сущностей! Как это сочетать с идеей Всезнающего Бога и Премудрости Божией?

После семинарии Гегель не захотел служить пастором, потому что реальная церковь «предает “божественное начало”» [10, с. 92].

В Швейцарии Гегель написал сочинение «Жизнь Иисуса» (1795), в котором Христос представлен без Своих сверхъестественных чудес и напоминает «учителя кантианской морали» [10, с. 110]. В своих лекциях по философии религии Гегель «довольно грубо посмеялся над католической концепцией Евхаристии» [10, с. 320]. Согласно Генриху Бееру, Гегель «тщательно избегал упоминаний о бессмертии индивидуальной души, личном Боге, о какой-нибудь молитве» [10, с. 18]. Те, кто учился у Гегеля, нередко оказывались атеистами – это Фейербах, Штраус, Бауэр.

В-шестых, Гегель в Штифте имел хорошие отношения с французскими стипендиатами, дружил с еврейями, в частности, с крещеным «либеральным евреем Эдуардом Гансом» [10, с. 16]. Но при этом высказывал расистские, националистические и ксенофобские мысли. Например, он негативно отзывался о народах – победителях Наполеона, поскольку они из отсталых и реакционных стран. «Гегель их с ксенофобским презрением именует “казаками”, “хорватами”, “чувапами”, бранными, на его взгляд, словами» [10, с. 311].

Он различал цивилизованные нации и варваров, которые явно отстают и обладают только формальной самостоятельностью. При этом Гегель был в хороших отношениях с великим гуманистом И.В. Гёте, считающимся «всечеловеком».

В-седьмых, Гегеля трудно назвать недобрым и безнравственным человеком. Но хорошо известно, что Гегель восхищался кровавой Француз-

ской революцией и всю жизнь праздновал День взятия Бастилии. Беспощадного «террориста», французского генерала Карно после личной встречи назвал «приятным стариком» [10, с. 90], а Наполеона – «душой мира».

В его биографии есть еще один факт. У него был внебрачный сын Луи (Людвиг), и Гегель, согласно Д’Онту, заботился о нем, хотел ему счастья. Гёте о нем написал так:

*«Дитя, я видел, как ты идешь
Доверчиво навстречу миру.
И что бы ни сулило грядущее,
Утешься, взгляд друга тебя благословил»* [10, с. 223].

В 10 лет мальчик был принят в семью Гегеля, но пришлось не ко «двору» Гегеля и его семьи. Однажды, когда Луи уличили в незначительной краже – 60 пфеннигов, отец расвирепел. «Он отобрал у Луи свою фамилию», и мальчик получил «девическую фамилию матери: Фишер» [10, с. 228]. Мальчик был крайне уничижен. И в конце концов, его исключили из семейства. Когда Луи исполнилось 24 года, Гегель купил ему должность в голландской армии, и сын отправился служить в Индонезию. Вскоре он там умер от воспалительной лихорадки.

Парадоксы философии

В философии абсолютного идеализма Гегеля можно обнаружить ряд противоречий и парадоксов, однако мы рассмотрим лишь некоторые из них.

Первый парадокс: Гегель выбирает *Veränderung* (нем. «изменение»), движение, развитие. И Хайдеггер объясняет Гегеля так: «На каждом шагу своего “прогресса” дух должен преодолевать “сам себя” как поистине враждебную помеху своему назначению. Цель развития духа – “достичь своего собственного понятия”. Само развитие есть “жесткая, бесконечная война против самого себя”» (внутренние кавычки – цитаты из Гегеля [18, с. 434]).

Это радикальное видение развития воспринимается амбивалентно. И хочется сказать: какое прекрасное обоснование прогресса! Какое прекрасное оправдание «жестких» войн – и внутренних, и внешних! Но где многофакторное (диалектическое) и нелинейное понимание прогресса, войны и мира, счастья и несчастья, побед и поражений? Полезно ли развитие? Ведет ли оно к счастью? В какой мере следует так жестко воевать, и всё ли время истории (человека, человечества) – воевать?

Парадокс в том, что гегелевская система развития, система абсолютного идеализма, почему-то завершается, причем именно в первой половине XIX века. Парадоксально «идеальным» государством признается прусская монархия. Философ постоянно изменяет самому себе вопреки всем своим принципам и методам.

Второй парадокс: Гегель выбирает *Veränderung*, движение, жизнь, но его сильная теория подавляет реальную жизнь.

*«Grau, teurer Freund, ist alle Theorie,
Und grün des Lebens goldner Baum».*

(нем. «Серая, дорогой друг, любая теория,
Но зелено золотое дерево жизни»). (Гёте, «Фауст»)).

«Жизнь», согласно Гегелю, – это проявление Абсолютной Идеи или служение ей, слишком далекой от Бога Живого. Он был из тех, кто видел «священную глубину явлений» [11, с. 187], но «вылавливал» из нее Необходимость, диалектико-логическое метазнание о реальности. «Понятие истинной диалектики состоит в обнаружении необходимого движения чистых понятий» (цит. по [10, с. 154]). Он радовался, что у Аристотеля нет платоновской «сладкоречивости, или, как иногда хочется сказать, сладкоболтливости, этого тона беседы, который столь же жив, сколь и культурен, и человечен» [3, с. 223]. То есть установка Гегеля – ради логической Идеи быть вне красноречия, мыслеобразов, мифологии, всего живого и человеческого.

Третий парадокс: каждый человек живет своей жизнью. Каждый борется в своей жизни с несвободой и смертью. И Гегель по-своему живет и борется. Но его теория готова убить живого человека, чтобы процветало всеобщее, процветало государство. «Государство есть действительность конкретной свободы», где личность получает «полное развитие и признание своего права для себя»; интересы личности признают всеобщий интерес «как свой собственный субстанциальный дух и действуют для него как для своей конечной цели» [6, с. 328]. И даже «если государство требует жизни индивида, он должен отдать ее» [6, с. 131].

Даже идеальное государство Платона Гегель безусловно защищает: «Если известный идеал вообще обладает внутренней истиной через посредство понятия, то именно потому, что он истинен, он не является химерой. Такой идеал поэтому не есть нечто пустое и бессильное, а, наоборот, действительное, ибо истина не есть химера» [3, с. 191]. «Истинный идеал не должен быть действительным, а есть действительный, и единственно только он и действителен» [3, с. 191].

Четвертый парадокс: логоцентризм Гегеля как обнаружение «действительности» или разумного и необходимого логоса вещей и процессов первостепенен. Однако «существование» как вся «живая» (случайная, несовершенная, иррациональная и т. д.) совокупность явлений им слишком недооценивается и даже третируется. «Что разумно, то действительно, а что действительно, то разумно». «Существование», конечно, неразумно и как бы недействительно.

Экзистенциальное и даже просто индивидуальное – это ничто. «Временное, преходящее, конечно, существует, может надеть человека до-

вольно много хлопот; но, несмотря на это, оно также мало представляет собою истинную действительность, как и частные особенности отдельного лица, его желания и склонности (курсив наш. – В. К.)» [3, с. 192].

То есть живой человек со своими субъективными истинами и «частными особенностями» (любовью, свободой, радостями, надеждами, «желаниями и склонностями») не стоит ничего. Это звучит несправедливо и антигуманно. Не подавило ли Всеобщее – от Абсолютной Идеи и до Общества и Государства – «одинокую душу», живую жизнь, одну-единственную любовь, теплую веру, трепет и нежность, личную свободу и многое бесценное для человека?

Пятый парадокс: Гегель говорит, что «истинной формой, в которой существует истина, может быть лишь научная система ее» (цит. по [10, с. 204]), причем едва ли не идеальная система. У Гегеля, «как говорит Макс Ленц», была «безграничная вера в возможность безупречной системы» [10, с. 213]. Это можно расценивать как научно-философский «титанизм» (разумеется, неизбежно односторонний). Но при этом Гегель не мог не понимать, что даже трансцендентальный мир является неизмеримо более сложным и непредсказуемым.

Согласно И.А. Ильину, «“вся правда” вообще нам не дана: действительность слишком сложна, глубока и изменчива для того, чтобы можно было за ней угнаться» [12, с. 126]. Однако Гегель как яркая фаустовская личность обладал «западноевропейскими... структурами мифа души: “волей”, “силой” и “действием”» [19, с. 524] (не будем здесь критиковать О. Шпенглера). И оказался способным на научно-философский подвиг. Он обладал качествами «магистрального» дерзновения и самостроительства.

Шестой парадокс: с одной стороны, Гегель подчеркивает свои религиозность и пиетет по отношению к христианству, а с другой – трансцендентное и христианское почти исчезает в его научно-теоретических построениях. Он писал: «Философия нашего времени... возникла внутри христианства и не может иметь другого содержания, чем то, которое имеет сам мировой дух» [2, с. 131].

А «мировой дух» – это, в понимании Гегеля, Бог. «Бог есть всеобщий, абсолютный, существенный дух» [2, с. 125]. Может быть, это Дух Святой? Но что-то не так. А где Бог-Отец? Где Бог-Сын, Иисус Христос?

В этом «духе» не отыщешь ни Добра, ни Любви. Он никак не связан со спасением человека. И он никак не соответствует истинному христианскому духу, проявившемуся, например, у св. Франциска Ассизского. И не стоит обманываться гегелевской параллелью (в «Лекциях по истории религии») между человеческим духом и «Святым Духом» [16, с. 7]. Гегелевский «Дух Святой» – это почти исключительно нечто сциентистское, научно-интеллектуальное.

Е. Ситковский предполагает, что Абсолютная Идея Гегеля переключается с «Богом-Отцом» [16, с. 7] и, познавая себя, творит мир. И снова становится ясно, что этот «Бог-Отец» не Всезнающий, не Всемилостивый, не Благой, а некий активно-разумный Идол. И его активность Гегель трансцендентально (а не трансцендентно!) раскрывает.

В целом лютеранская (?) религиозность Гегеля такова: отрицание постов, монашества, «авторитета Вселенских Соборов и святых отцов» и многого другого [15, с. 90]. У Гегеля вовсе не случайны издевательские высказывания о монахах и «благочестивых людях» — это «жалкие создания», «вши или паразитические растения», «овечья кротость», «паралитичная и трусливая кротость» [10, с. 190]. Они к тому же, оказывается, абсолютно бесполезны для всеобщего!

Чего стоит гегелевский нигилизм, предшествующий ницшеанскому, хорошо поясняет св. Иоанн Кронштадтский: у лютеран «нет законного священства и... Таинств — Покаяния, Причащения, Миропомазания, Священства, Брака и Елеосвящения. А где почитание ангелов у лютеран и англиканцев? И они суть члены Церкви: ибо Христом Богом составлена и возглавлена Им едина Церковь Ангелов и человеков» [15, с. 410].

Как же далек от Гегеля св. Франциск Ассизский! Св. Франциск с детства был прост и добр, «любил природу, любил животных, жалел бедных, понимал духовную опасность богатства и даже собственности» [17, с. 14]. «Святой Франциск действительно верил, что открыл тайну жизни, и она — в том, чтобы стать слугой, стать вторым, а не первым» [17, с. 45]. Гегель же всегда хотел быть только первым, «наивысочайшим», и другого мировоззрения не понимал!

В результате у него получилось очень неполное, двусмысленное и сомнительное христианство. А быть может, даже антихристианство?

Седьмой парадокс: почти антихристианское мировоззрение Гегеля и его особое понимание философии привели к тому, что далекие от добра и любви идеи формировали подобное же понимание человека, полов, народов, рас, революций, войн, национальных идей. А с другой стороны, Гегель всегда оставался нормальным немецким гражданином, «лютеранином», патриотом, защитником морали, обывателем, как бы вполне хорошим немцем. Да еще и гениальным немецким философом!

Не связаны ли европоцентристские, националистические и расистские мысли Гегеля, прежде всего, с его пониманием Высшего духа? «Мировой дух не обращает внимания даже на то, что он употребляет многочисленные человеческие поколения для этой работы своего осознания себя, что он делает чудовищные затраты возникающих и гибнущих человеческих сил; он достаточно богат для такой затраты, он ведет свое дело *en grand*, у него достаточно народов и индивидуумов для этой траты» [2, с. 97]. «Чудовищные затраты» народов! Народы как бы ничто.

И живой человек с его «частными особенностями» – ничто. Различие между мужчиной и женщиной Гегель обозначил радикально – как различие «между животным и растением» [6, с. 241]. Некоторые народы (например, пещересов и эскимосов) назвал «самыми тупыми дикарями» [5, с. 65]. А китайцев – «неумелыми» и «неспособными к какой бы то ни было самостоятельной научной мысли» [3, с. 215].

Гегель оправдывал колониализм и неравноправие народов и рас: «Цивилизованные нации рассматривают другие народы, отстающие от них в субстанциональных моментах государства... как варваров и неравноправных им, а самостоятельность этих народов – как нечто формальное» [6, с. 436, 437]. Оправдывал революции и войны: «Война предохраняет народы от гниения, которое непременно явилось бы следствием продолжительного, а тем более вечного мира» [6, с. 420]. А что касается революций, то это необходимое «омоложение» действительности.

Ему вторили многие мыслители Германии. Освальд Шпенглер писал, что цель политики, жизни – «рост собственной жизненной единицы сословия или нации, за счет других» [20, с. 467]. «Конец Запада», о котором говорит Шпенглер, Хайдеггер в «Черных тетрадах» понимает как «переход» (Übergang) Германии [14, с. 187]. Это немецкий поиск несуществующей Греции – ночной, трагической, которую «воспел Гельдерлин, к которой стремился Гегель, о которой тосковал Ницше...»

У Эдмунда Гуссерля тоже явлено нечто подобное: «Универсализм Разума не мешает Гуссерлю дискриминировать целые народы, называя, например, папуасов символом примитивности и существами, более близкими к животному миру... В итоге по-настоящему “человеческими” в культурно-философском смысле Гуссерль называет лишь европейцев» [14, с. 188].

Идеологи национал-социализма видели в славянах и народах СССР именно недочеловеков и будущих колониальных аборигенов. В 1926 году немецкий «Журнал геополитики» писал: «Россия – одна шестая часть мира – не стала еще ничьей добычей, и тем самым война не окончена. Романцы и германцы рассматривают Россию как будущую колонию. Ее пространства никого не пугают... Если кусок окажется для одного велик, он будет разбит на сферы влияния. Возможно, для России сохранят видимость независимости, но каждое из ее будущих правительств будет фиктивным, представляя собой лишь орган колониальных господ... Россия определенно вступит в новую стадию своей истории: она станет колониальной страной» [9, с. 50].

А Гегель раньше на сто с лишним лет писал о том, что есть народ-господин во всемирной истории, он выражает «данную ступень в движении мирового духа, духи других народов бесправны» [6, с. 435]. Случайна ли эта мысль в судьбе национал-социалистической Германии?

Поразительное замечание в статье 1932 года принадлежит перу немецко-швейцарского писателя и великого гуманиста Германа Гессе. Он убежденно говорил, что в Германии еще в Первую мировую войну и перед Второй мировой войной разрекламировали некоторых немецких культурных деятелей «для оправдания национализма и войны; самой успешной из таких раскопок был Гегель (курсив наш. – В. К.)» [8, с. 209].

Антитезу Гегелю Гессе усматривает в поэте Гёте как «добром духе нации», который «не был националистом». И сам Гессе не мог связать себя с Гегелем: «Я индивидуалист и считаю христианское благоговение перед каждой человеческой душой самым лучшим и самым святым в христианстве» [8, с. 277].

Нет ли существенного знака в том, что один из самых беспощадных террористов Франции – генерал Карно – был оценен Гегелем положительно? Не было ли это реальное событие в жизни философа знаком того особого «немецкого» духа Гегеля, о котором Гессе написал так: «Горячечный сон того состояния духа, из которого выходят войны, расовые преследования и братоубийственные сражения между людьми» [8, с. 274].

Гегель восхищался великими временами и великими людьми и каким-то образом, скорее всего, подогревал национальные страсти. А Гессе (во времена «великого человека» Гитлера) говорил иначе, что если «отвечать ненавистью на всевозможные погромы, затеваемые против евреев и духа, против христианства и человечности, то вряд ли поможешь этим своему народу, для “народа” “великие времена” – это всегда времена ненависти и готовности к войне. Мы, люди духа, не должны принимать в этом участия, мы должны молчать, покуда возможно, даже если впадем за это в немилость, и должны хотя и стоять за свой народ, но не быть рабами его страстей, его жестокостей, его низости, не для того мы существуем на свете» [8, с. 241].

И еще одна оценка Гессе этнических (немецких) истоков национал-социализма и других «политико-пушечных» феноменов: «Нет, уже за много лет до своего прихода к власти Гитлер перестал быть для меня загадкой, перестал быть загадкой, к сожалению, и немецкий народ, который потом выбрал этого сатану, перед ним преклонялся и разрешил ему творить любые мерзости. Я рад, что уже во время первой войны порвал с Германией и ее проклятой политикой пушек» [8, с. 292].

Восьмой парадокс: диалектика так восхищена собой, что почти совершенно отрицает существенную часть реальности – статичность, однозначность, линейность, инвариантность. Между тем первый закон диалектики – это закон единства и борьбы противоположностей. Например, единство, гомеостаз, гармония в живой природе видятся не менее значимыми, чем схватка и борьба за существование. Это же касается и жизни общества, человека, мышления, природы, Вселенной. И у самого Гегеля жизненный

«гомеостаз» явно главенствовал. Одиссеев (борцов, героев, творцов) в мире относительно немного.

По существу своему парадоксально: Абсолютная Идея Гегеля как бы одна и та же; статична субстанциальность государства; статична сущность «правильного» гегелевского человека и так далее. Статична неуступчивость Гегеля по отношению к неразумному и случайному, к сверхъестественному и иррациональному. Гегель – как монолит. Разумная действительность человека (согласно Гегелю) в своей статике такова, что она исключает, как полагал Лев Шестов, просто живого человека, просто людей, «выброшенных из жизни», – библейского Иова, тяжело больного Ницше, старого человека из подполья и прочих, так сказать, маргиналов. Однозначно удалена сама живая жизнь.

Не виновен ли и Гегель в появлении в XX веке нового «линейного» человека, о котором пишет Г. Гессе: «Возник коллективный человек без одиночной души, который кладет конец всей религиозной, а также индивидуалистической традиции человечества»? [8, с. 277].

В конце концов, почти все парадоксы биографии и философской идеологии Г.В.Ф. Гегеля связаны с фундаментальным и изначальным выбором философа – борьбой за великую научно-теоретическую истину. Она неизбежно должна была ограничить бесконечность тайн существующего и упростить живое изменение, жизнь, человека, историю, Вселенную. Один только разум есть дух, истинная субстанция. Феноменология Гегеля изначальна определилась так: «Разум есть дух, так как уверенность в том, что он есть вся реальность, возведена в истину, и разум сознает самого себя, ...мир – как самого себя» [4, с. 198].

А Шестов напоминает о чем-то ином, по меньшей мере не менее значимом: судьбы человеческие начинаются и кончаются в непостижимых сферах, а движитель истории – не внутренняя диалектика духа, а «иные загадочные... и грозные силы». Но Гегель оставался самим собой, исходя из своего великого концепта и жизненно-философской установки. И мог бы возразить Льву Шестову совсем просто и внушительно, в духе Мартина Лютера: «So stehe ich, ich kann nicht anders, Gott helfe mir, amen» («Я здесь, я не могу иначе, и да поможет мне Господь») (цит. по [12, с. 522]).

Литература

1. Аменицкая Е. Предисловие // Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа / пер. под ред. Э.А. Радлова. – СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1913. – 376 с.
2. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн. 1. – СПб.: Наука, 2001. – 349 с.
3. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн. 2. – СПб.: Наука, 2001. – 423 с.

4. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа / пер. под ред. Э.А. Радлова. – СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1913. – 376 с.
5. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа. – М.: Мысль, 1977. – 471 с.
6. Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М.: Мир книги: Литература, 2007. – 464 с.
7. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. – М.: Мысль, 1974. – 452 с.
8. Гессе Г. Письма по кругу. – М.: Прогресс, 1987. – 400 с.
9. Дашищев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма: исторические очерки, документы и материалы. Т. 1. Подготовка и развертывание нацистской агрессии в Европе, 1933–1941. – М.: Наука, 1973. – 766 с.
10. Д’Онт Ж. Гегель. Биография / пер. с фр. А.Г. Погоняйло. – СПб.: Владимир Даль, 2012. – 511 с.
11. Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. Т. 1–2. – М.: Рарогъ, 1993. – 448 с.
12. Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта: исследование. Т. 2. – М.: Русская книга, 2003. – 608 с. – (Ильин И.А. Собрание сочинений).
13. Ильин И.А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека: в 2 т. – СПб.: Наука, 1994. – 542 с.
14. Погорельская С.В. 2017.03.044. Ди Чезаре Д. Хайдеггер, еврей, поа // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3, Философия. – 2017. – № 3. – С. 181–191.
15. Иоанн Кронштадтский. Я предвижу восстановление мощной России. – М.: Ин-т рус. цивилизации, 2012. – 640 с.
16. Ситковский Е. Предисловие // Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. – М.: Мысль, 1974. – Т. 1.
17. Честертон Г.К. Вечный человек. – М.: Политиздат, 1991. – 544 с.
18. Хайдеггер М. Бытие и время. – М.: Ad Marginem, 1997. – 451 с.
19. Шпенглер О. Закат Европы: очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность. – М.: Мысль, 1993. – 663 с.
20. Шпенглер О. Закат Европы: очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы. – М.: Мысль, 1998. – 606 с.

Статья поступила в редакцию 09.01.2021.

Статья прошла рецензирование 30.03.2021.

DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.3.1-69-83

PARADOXES OF G.W.F. HEGEL'S BIOGRAPHY AND PHILOSOPHICAL IDEOLOGY

Kurabtsev Vasily,

Dr. of Sc. (Philosophy),

Professor at the Department of Philosophy,

Moscow State Regional University (MSRU),

18/1 Lukinskaya Street, Moscow, 119634, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-4757-731X

kurabtsev@mail.ru

Abstract

The article examines the paradoxical nature of G. W. F. Hegel's biography and philosophical ideology. The essence of paradoxicality is substantiated by several factors – biographical, historical-philosophical, hermeneutical, and concrete-historical. The purpose of the work is to identify insufficiently known aspects of the personality and philosophical ideology of the thinker. Methodologically, the study is constructed using dialectical and historical-logical methods. The results of the study are to reveal the voluminous inconsistency of Hegel's biography and thought; to clarify both the positive and negative aspects of his philosophical ideology.

The author shows a number of paradoxes of Hegel's philosophy: first, the understanding of development as a 'hard' war against itself and inattention to the multifactorial and non-linear nature of many processes; secondly, focusing on a logical idea belittles or denies the value of everything else, including living and human beings; thirdly, the desire to raise a person to 'the highest' position and at the same time enslave him as a universal creature and a state citizen; fourth, Hegel's essentialism is frankly anti-existential and merciless to everything private and subjective; fifth, Hegel's seemingly flawless scientific system suffers from inattention to the complexity and unpredictability of reality; sixth, the Lutheran religiosity of the philosopher turns out to be almost anti-Christian – with the non-recognition of the Most Holy Trinity, without the desire to become a 'servant' of another, etc.; seventh, Hegel's decency and philistine 'kindness' are radically different from his pejorative attitude towards the female sex, other peoples, races, and civilizations. Colonialism is justified. Hence, it was quite natural for the German Nazis to turn to Hegel's ideas. Eighth, the great dialectic has too much belittled the reality of static things, unambiguity and invariance.

The novelty of the research lies in the recognition of the true causes and tasks of the thinker's life and work; in the explanation of his main values, including his understanding of Christianity; in the clarification of the Hegel-German and Hegel-citizen positions.

The conclusions of the study are related to the antithetical comparison of the ideology and philosophy of Hegel and Hesse, Hegel and Shestov. The author highlights anti-existential and racial-nationalist motives of the philosopher's work.

Keywords: paradoxes of biography, paradoxes of philosophy, panlogism, development, Hegel's Lutheranism, Hegel's nationalism and racism, totalitarian motives, Hegel's anti-existentialism, Hesse and Hegel, Shestov and Hegel.

Bibliographic description for citation:

Kurabtsev V. Paradoxes of G.W.F. Hegel's Biography and Philosophical Ideology. *Idey i idealy = Ideas and Ideals*, 2021, vol. 13, iss. 3, pt. 1, pp. 69–83. DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.3.1-69-83.

References

1. Amenitskaya E. Predislovie [Introduction]. Hegel G.W.F. *Fenomenologiya dukkha* [Phenomenology of the Spirit]. St. Petersburg, Brokgaus-Efron Publ., 1913. (In Russian).
2. Hegel G.W.F. *Lektsii po istorii filosofii*. Kn. 1 [The lecture on the history of philosophy. Bk. 1]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2001. 349 p. (In Russian).
3. Hegel G.W.F. *Lektsii po istorii filosofii*. Kn. 2 [The lecture on the history of philosophy. Bk. 2]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2001. 423 p. (In Russian).
4. Hegel G.W.F. *Fenomenologiya dukkha* [Phenomenology of the Spirit]. St. Petersburg, Brokgaus-Efron Publ., 1913. 376 p. (In Russian).
5. Hegel G.W.F. *Entsiklopediya filosofskikh nauk*. T. 3. *Filosofiya dukkha* [Encyclopedia of the Philosophical Sciences. Vol. 3. Philosophy of the Spirit]. Moscow, Mysl' Publ., 1977. 471 p. (In Russian).
6. Hegel G.W.F. *Filosofiya prava* [Philosophy of law]. Moscow, Mir knigi Publ., Literatura Publ., 2007. 464 p. (In Russian).
7. Hegel G.W.F. *Entsiklopediya filosofskikh nauk*. T. 1. *Nauka logiki* [Encyclopedia of the Philosophical Sciences. Vol. 1. The Science of Logic]. Moscow, Mysl' Publ., 1974. 452 p. (In Russian).
8. Hesse H. *Pis'ma po krugu* [Letters in a circle]. Moscow, Progress Publ., 1987. 400 p. (In Russian).
9. Dashichev V.I. *Bankrotstvo strategii germanskogo fashizma: istoricheskie ocherki, dokumenty i materialy*. T. 1. *Podgotovka i razvertivanie natsistskoi agressii v Evrope, 1933–1941* [Bankruptcy of the strategy of German fascism. Historical essays, documents and materials. Vol. 1. Preparation and deployment of Nazi aggression in Europe. 1933–1941]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 766 p.
10. D'Hondt J. *Gegeľ. Biografiya* [Hegel. Biography]. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2012. 511 p. (In Russian).
11. Il'in I.A. *Aksiomy religioznogo opyta*. T. 1–2 [Axioms of religious experience. Vol. 1–2]. Moscow, Rarog Publ., 1993. 448 p.
12. Il'in I.A. *Aksiomy religioznogo opyta: issledovanie*. T. 2 [Axioms of religious experience. Vol. 2]. Moscow, Russkaya kniga Publ., 2003. 608 p.
13. Il'in I.A. *Filosofiya Gegeľya kak uchenie o konkretnosti Boga i cheloveka*. V 2 t. [Hegel's philosophy as the doctrine of the concreteness of God and man. In 2 vol.]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1994. 542 p.

14. Pogorel'skaya S.V. 2017.03.044. Di Chezare D. Khaidegger, evrei, shoa [Di Cesare D. Heidegger, die Juden, die Shoah. – Frankfurt a. M.: Vittorio Klostermann, 2016. – 440 S.]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 3, Filosofiya = Social sciences and humanities. Russian and foreign literature. Series Philosophy*, 2017, no. 3, pp. 181–191.
15. John of Kronstadt. *Ya predvizhu vosstanovlenie moshchnoi Rossii* [I predict to regeneration of the powerful Russia]. Moscow, Institut Russkoi tsivilizatsii Publ., 2012. 640 p.
16. Sitkovskii E. Predislovie [Introduction]. Hegel G.W.F. *Entsiklopediya filosofskikh nauk*. T. 1. *Nauka logiki* [Encyclopedia of the Philosophical Sciences. Vol. 1. The Science of Logic]. Moscow, Mysl' Publ., 1974.
17. Chesterton G.K. *Vechnyi chelovek* [The Eternal Man]. Moscow, Politizdat Publ., 1991. 544 p. (In Russian).
18. Heidegger M. *Sein und Zeit* [Being and Time]. Tübingen, Niemeyer, 1953 (Russ. ed.: Khaidegger M. *Bytie i vremya*. Moscow, Ad Marginem Publ., 1997. 451 p.).
19. Spengler O. *Zakat Evropy: ocherki morfologii mirovoi istorii*. T. 1. *Geshtal't i deistvitel'nost'* [The Decline of the West. Vol. 1. Form and actuality]. Moscow, Mysl' Publ., 1993. 663 p. (In Russian).
20. Spengler O. *Zakat Evropy: ocherki morfologii mirovoi istorii*. T. 2. *Vsemirno-istoricheskie perspektivy* [The Decline of the West. Vol. 2. Perspectives of World-History]. Moscow, Mysl' Publ., 1998. 606 p. (In Russian).

The article was received on 09.01.2021.

The article was reviewed on 30.03.2021.